

Библиотека Института славяноведения

Российская академия наук
Институт славяноведения
Отдел этнолингвистики и фольклора

С. М. Толстая
В. Я. Петрухин
А. Г. Кречмер
В. Николова
В. Васева
С. Ю. Дубровина
О. Е. Фролова
А. В. Гура
Е. С. Узенёва
Г. И. Кабакова
Р. Попов
О. В. Чёха
Л. Н. Виноградова
К. А. Климова
Т. А. Агапкина
И. А. Седакова
О. В. Белова
Е. Л. Березович
М. Китанова
А. А. Плотникова

Категория родства в языке и культуре

Москва «Индрик» 2009

УДК 811.16
ББК 82
К 29

*Исследовательская работа российских авторов и издание книги
осуществлены в рамках Программы ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие
социальных, культурных и языковых общностей»
(проект «Семантическая реконструкция
народной духовной культуры славян»)*

Р е д к о л л е г и я

*С. М. Толстая (ответственный редактор)
Т. А. Агапкина
Е. С. Узенёва*

Категория родства в языке и культуре / Отв. редактор
С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2009. — 312 с.: ил. («Библиотека
Института славяноведения РАН. 16»)

ISBN 978-5-91674-065-3

Сборник включает статьи российских и болгарских ученых, посвященные отношениям родства — одной из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры.

Исследуется лексика родства и ее вторичные метафорические значения, символика и магия родства в народной культуре славян и их соседей (греки, евреи), социальные аспекты родственных отношений (семья, усыновление, духовное родство, проклятие и др.), ритуальные функции «персонажей» родства (свадебный обряд, застолье), мотивы родства в народном календаре, в мифологических представлениях и фольклорных текстах разных жанров (обрядовая поэзия, заговоры, нарративы).

Книга адресована лингвистам, фольклористам, этнографам и всем интересующимся традиционной духовной культурой и ее отражением в языке.

ISBN 978-5-91674-065-3

© Коллектив авторов, Текст, 2009
© Издательство «Индрик», оформление, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. М. Толстая.</i> Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия)	7
<i>В. Я. Петрухин.</i> Были ли русичи Дажьбожьими внуками?	23
<i>А. Г. Кречмер.</i> Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. (по материалам частной переписки)	36
<i>В. Николова.</i> Родство и усыновление	57
<i>В. Васева.</i> Родовые связи и профессиональная принадлежность (на примере захоронений в г. Перник, Болгария)	74
<i>С. Ю. Дубровина.</i> Родство по духу: культурно-языковая перспектива	92
<i>О. Е. Фролова.</i> Родовое проклятие: безграничная вина и наследование наказания	103
<i>А. В. Гура.</i> Механизмы создания новых родственных отношений в свадебном обряде	116
<i>Е. С. Узенёва.</i> Терминология родства в словаре болгарской свадьбы	129
<i>С. М. Толстая.</i> Аксиология родства в свадебном фольклоре (русско-сербские сопоставления)	148
<i>Г. И. Кабакова.</i> Родня за столом	159
<i>Р. Попов.</i> Родственные отношения святых в календарной традиции болгар	170
<i>О. В. Чёха.</i> Категория рода и родства в греческом народном календаре	184
<i>Л. Н. Виноградова.</i> Близкие родственники как объект вредоносных действий ведьмы	191
<i>К. А. Климова.</i> Отношения родства в новогреческой мифологии	202
<i>Т. А. Агапкина.</i> Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах	212

<i>И. А. Седакова.</i> Семья как ценность и семейные ценности в нарративах старообрядцев Болгарии и Румынии.....	225
<i>О. В. Белова.</i> «Чужая родня»: о механизмах конструирования ритуального родства в славяно-еврейской среде	245
<i>Е. Л. Березович.</i> Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках.....	257
<i>М. Китанова.</i> Материалы к словарю болгарских терминов родства	279
<i>А. А. Плотникова.</i> Полевые заметки о терминологии родства у румынских липован.....	303

В. ВАСЕВА

(София)

РОДОВЫЕ СВЯЗИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

(НА ПРИМЕРЕ ЗАХОРОНЕНИЙ В Г. ПЕРНИК, БОЛГАРИЯ)

В истории человеческих общностей представления о местонахождении «последнего приюта» человека — кладбища — трансформировались в соответствии с изменениями, происходившими внутри этих общностей, и прежде всего в их духовной жизни. Для болгар, как и для многих других европейских народов, особенно интересным в данном отношении оказался XX век, когда после двух кровопролитных войн в жизни европейских народов произошли радикальные социально-экономические и культурные изменения, породившие коренную перестройку их мировоззрения.

Социальная структура каждого поселения задает модель организации его кладбища (см. Янева 2000), поэтому особый интерес представляют кладбища в быстро развивавшихся на протяжении XX в. городских центрах Болгарии, среди которых особое место занимает Перник, в первой половине прошлого века являвшийся центром добычи каменного угля, а во второй — социалистическим центром металлургии и машиностроения.

Эволюция кладбищенского пространства в Пернике в XX в. отражает характерную для многих болгарских городов смену основных принципов структурирования кладбища: от захоронений по родовому принципу к захоронениям по городским кварталам. Это изменение было обусловлено стремительным расширением городского пространства и притоком новых поселенцев из различных уголков Болгарии, не имевших, в отличие от коренных жителей, родовых захоронений на старом кладбище. Постепенно сельское кладбище Перника превращается в «старое кладбище», а в 70-е гг. XX в. в разрастающемся шахтерском городе возникает необходимость в «новом городском кладбище», на котором коренные жители могли бы перезахоронить останки своих предков, чтобы возобновить традицию родового погребения¹. Изме-

¹ Предложение об устройстве нового кладбища поступило со стороны местной власти и не встретило поддержки населения (Информант Цв. М., 61 г., Перник, 5 сент. 2008 г., зап. В. Васевой).

нение социальных и идеологических устоев разнородного общества Перника привело к отказу жителей от отпевания умерших в церкви, от установления креста над могилой усопшего, а также от тысячелетней православной традиции, согласно которой кладбища располагались обычно вблизи храма (эта традиция сохранилась на старом кладбище в Пернике, рядом с которым стоит церковь Св. Георгия).

Данная статья основана на полевых исследованиях захоронений в г. Пернике, проведенных автором осенью 2008 г.: осмотре и фотографической фиксации старого и нового кладбищ в городе, беседах с местными жителями — коренными жителями Перника (в числе которых и мэром города в период 1971–1975 гг. Эмил Иглев) и жителями города, приехавшими сюда из разных районов Болгарии.

Несмотря на то, что Перник ассоциируется прежде всего с разработкой почти в течение целого века месторождений каменного угля, после освобождения Болгарии от турецкого ига в городе сформировались также животноводческие и земледельческие центры, разбросанные по окрестным холмам, а также в пойме р. Струма. Жизнь города сосредотачивается в центральных кварталах: Вароше, Средней и Пешевой Махале, расположенных по обоим берегам реки, вблизи ущелья у подножия холма Крепок, известного и под названием Градо (теперь — Кракра), т.е. на месте, где много веков тому назад возникло поселение (ЮСБ 1941: 20). В этих кварталах проживает основная часть крупных старинных родов Перника, здесь находятся мельницы и постоянные дворы старых перничан, сельская площадь, чешма², церковь Св. Георгия и сельское кладбище, община, сельская школа. До конца XIX в., когда в районе началась разработка месторождений каменного угля, это место обозначалось топонимом *Сред село*. В результате быстрого разрастания поселений шахтеров к 20–30-м гг. XX в. это название сменилось другим — *Селото*, указывавшим место старого поселения по отношению к строящемуся городу и как бы разделявшим их. Недалеко от холма Кракра, на левом берегу реки, находится кладбище, где расположение захоронений основано на семейном принципе и совпадает с расположением кварталов в селе, как и во многих других селах Западной Болгарии того времени. Кроме того, в церкви за представителем той или иной семьи было закреплено свое место, согласно тому, какое место он занимает по службе. Очевидно, в этот период народные представления о продолжении земной жизни после смерти были еще живыми.

² Каменное сооружение с крапом для отведения воды из источника (Прим. пер.).

Ил. 1. Церковь Св. Георгия

Сакральный центр села Перник в 20-е гг. прошлого века — построенная во второй половине XIX в. церковь Св. Георгия, расположенная на левом берегу р. Струмы, в начале квартала. Ее прихожанами являлись жители всех кварталов села, стекавшиеся сюда во время календарных и семейных праздников. С увеличением роли угледобывающей промышленности в жизни и экономике Перника его центр постепенно начинает смещаться от кварталов Варош, Средна и Пешова к шахтерским поселкам, также имевшим свой сакральный центр — построенную в период с 1910 по 1919 г. церковь Св. Иоанна Рильского (Манова 2004: 198; Стоянова-Левчева 2004: 438).

Другой важный сакральный маркер села Перник — урочище Св. Спас, расположенное обособленно у северо-восточного подножия холма Кракра. Археологами доказана его историческая связь с местом средневековых захоронений жителей Перника. В 2002 г. жители квартала Варош рассказывали археологам о развалинах небольшой часовни Св. Спас и старом кладбище. В 2003–2004 гг. там были проведены археологические раскопки и открыты остовы трех церквей, надстроенных одна над другой, — раннехристианской VI в., средневековой — конца XIV в., просуществовавшей до середины XIX в., и

часовни Св. Спас, датируемой концом XIX — началом XX в. Вокруг них открыто 184 захоронения конца XIV — 60-х гг. XIX в. Основы фундамента второй церкви включают в себя остатки средневекового некрополя. Там покоятся родоначальники местных средневековых родов (X–XI вв.). На 100 м южнее местности Св. Спас, на вершине холма Кракра, также располагалась кладбище XIII–XIV вв. и руины нескольких часовен. В центре урочища у подножия холма находится целебный источник. Коренные жители Перника ходят туда на службу, т.к. там покоятся их предки. Сельская часовня Св. Спас почитается только старыми родами Перника (Манова 2004: 201).

При проведении раскопок было установлено, что средневековая церковь разрушилась в 60-е гг. XIX в. во время землетрясения. На ее месте построена часовня Св. Спас. По воспоминаниям местного учителя, часовня была построена в 30-е гг. XX в. по «вещему сну» бабушки Лисы, а при строительстве мастера нашли остов более ранней церкви. Часовня просуществовала до 1944 г. и была заброшена по идеологическим причинам. Она разрушилась окончательно в 70-х гг. XX в. До середины XX в. существовала традиция ритуального обхода границ села на праздник Св. Спаса (Вознесение) в направлении против часовой стрелки. Обычай перестал существовать после 1944 г. и был возрожден в 2003 г. жителями квартала Варош. Пожилые женщины рассказывают, что в прошлом праздник Св. Спаса был одним из самых почитаемых праздников района и на этом месте собирались даже девушки из этих мест, вышедшие замуж и уехавшие из Перника (Паунова 2008: 175–176, 194).

Согласно результатам полевых исследований археолога В. Пауновой, после падения османского ига часть некрополей была перемещена из-за разрушения кладбищенского храма и невозможности их обновления (согласно турецким законам). Вероятно, некрополь был перемещен к ближайшей уцелевшей сельской церкви, исполнявшей функции кладбищенской. Типичным примером перемещения некрополя можно считать перенос некрополя с вершины холма Кракра (с остовами рухнувших кладбищенских церквей) в Перник, к подножию холма, к единственной уцелевшей церкви (позднее «урочище Св. Спас»). После признания в Хатихумаюне в 1856 прав немусульманского населения Османской империи было разрешено строить новые христианские храмы. Во многих болгарских селах, по преимуществу в центральной их части, были построены церкви. Впоследствии к некоторым из них были перемещены некрополи (Паунова 2008: 181, сноска 56). В Пернике — это церковь Св. Георгия (названная позднее Сельской), построенная в XIX в., к которой

было перенесено «старое кладбище», где коренные жители Перника погребали усопших со второй половины XIX в. до 70-х гг. XX в.

События, последовавшие за открытием угольных месторождений, навсегда изменили жизнь людей Перника и близлежащих округов. В 1891 г. государство ввело в эксплуатацию шахты, и постепенно добыча угля превратилась в источник заработка не только для жителей Перника, но и для населения соседних сел: Мошино, Цыркува, Калкасы, Дивотино, Студена и др. Первоначально жители Перника и его окрестностей работали в шахтах сезонно, только в зимний период, когда не велись сельскохозяйственные работы, но с разрастанием производства увеличилась потребность в рабочих руках и сложилась определенная группа людей, ежедневно приезжавших на работу, но при этом продолжавших жить в родных местах³. Она включала большую часть населения района, особенно из сел по направлению железнодорожной линии Владая–Радомир⁴. Согласно статистике, большинство рабочих были родом из Софийского и Кюстендилского округов. В культурном и бытовом плане они сохранили сельский уклад жизни, традиции крестьян, живущих в общинах (*задруга*)⁵ по 50–60 человек. К 20-м гг.

3 В 20-е гг. создаются специальные поезда для рабочих, с 1939 г. для перевозки рабочих используются специальные шахтерские грузовики, первоначально курсировавшие до сел Витановцы, Цыркува, Студена и Драгичево, а в конце года пунктов назначения стало уже 12. После 1944 г. увеличивается число автобусных маршрутов до сел округа, и к 1970 г. 85 автобусных маршрутов связали между собой 117 населенных пунктов (Бръшлянов 1928: 119; ЮСб 1973: 176).

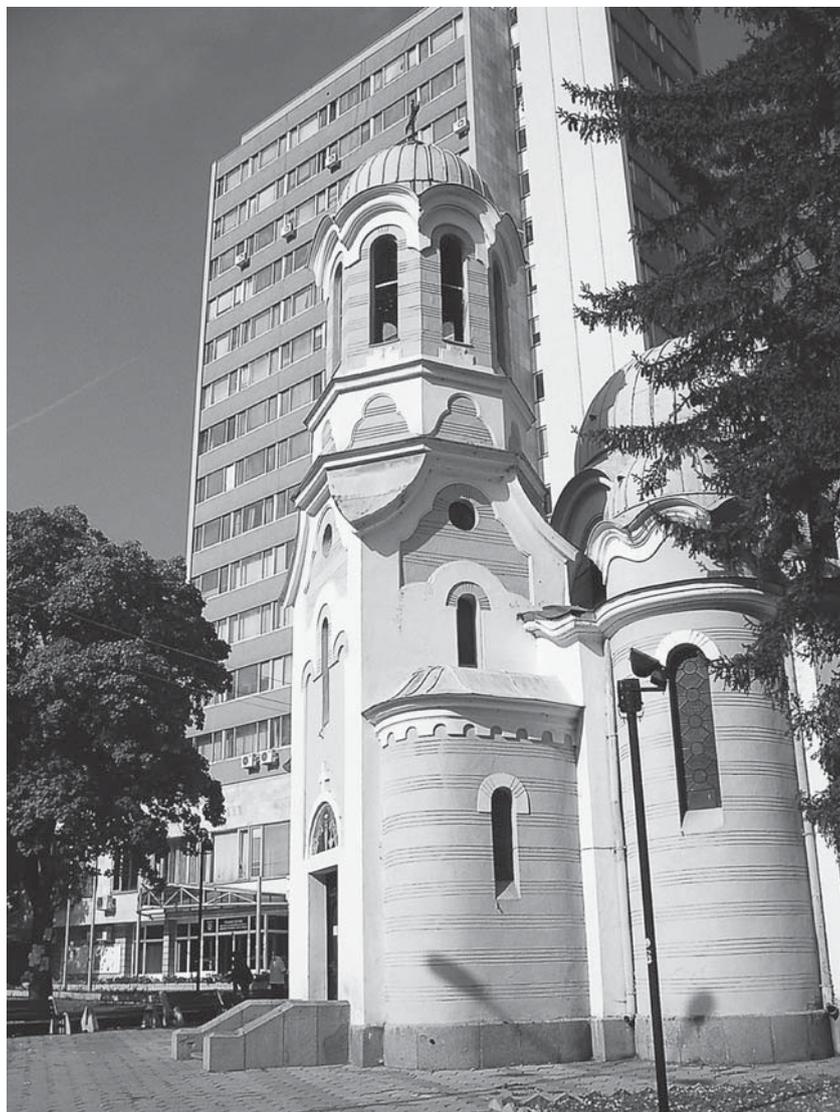
4 В 20-е гг. XX в. число рабочих по их происхождению и месту проживания было следующим: Софийский округ — 2838, Кюстендилский — 860, Тырновский — 230, Шуменский — 79 и т.д. До 1940 г. преобладающее число рабочих-шахтеров было из близлежащих сел Софийского округа, на втором месте — из соседнего Кюстендилского округа, особенно из сел, прилегающих к рудникам, из других округов число рабочих было незначительным (Бръшлянов 1928: 110–111; ЮСб 1941: 21, 313). К 1940 г. население Перника насчитывало 21 121 человек, из них 4000 человек работали на шахтах. Еще 4400 человек приезжали в Перник на работу из близлежащих сел (ЮСб 1941: 21). Число рабочих постоянно увеличивалось: в 1944 г. их численность составляла 6771 чел., в 1950 г. — 8661 чел., в 1960 г. — 17 123, в 1970 г. — 12 362. Крупнейшее угле-добывающее производство достигло пика своего размаха в 1960 г. (ЮСб 1973: 171–172).

5 Большая патриархальная семья (*задруга*) у южных славян, обычно состояла из 20–30 чел. (иногда из 50–80) — сыновей одного отца с их женами и детьми, живших в одном дворе. Хозяйство и потребление были общими. Глава *задруги* руководил всей жизнью семьи с помощью

XX в. начинается процесс распада общины и обеднения населения, лишавшегося земель, совпавший с получением шахтами автономии в 1925 г. и усилением политики управляющих структур месторождений, направленной на создание устойчивой группы рабочих посредством предоставления им жилья и определенных привилегий (Бръшлянов 1928: 13–14; ЮСБ 1941: 20, 287). Уже на следующий год в Пернике отмечается самый высокий процент роста населения в национальном масштабе, и в середине 20-х гг. XX в. была зафиксирована первая большая миграционная волна в данный город. Еще в первом десятилетии XX в. 96% добычи каменного угля в Болгарии производилось в Пернике. Миграция туда из близлежащих и отдаленных районов приобрела внушительные размеры. В 1900 г. население города составляло около 2000 чел., а в 1930 г. уже 20 000 чел. В этот период прирост населения Перника превысил по своим масштабам прирост населения крупнейших городов Болгарии. Не было ни одного населенного пункта на территории страны с такими быстрыми темпами роста населения. Постепенно угле-добывающее производство здесь превратилось в одно из самых мощных и успешных промышленных предприятий страны (Манова 2004: 198; Стоянова-Левчева 2004: 434).

Расширение шахт привело к существенным изменениям жилого пространства Перника. В двух километрах севернее старого сельского центра, но на его земле, на отобранных у селян нивах, садах и лугах в первые десятилетия XX в. началось создание шахтерского поселения, которое еще со времени своего основания носило черты рабочего поселка или города. Шахты постепенно «переформатировали» окружающее пространство, пополняя его новыми зданиями и землями. Так, например, строительство здания Управления шахт в 1932 г. дало Пернику статус национального административного шахтерского центра, а площадь перед зданием администрации превратилась в городской центр (в противовес старому сельскому центру), отмеченный шахтерскими символами и ставший местом проведения досуга. Таковым он оставался вплоть до начала 80-х гг. XX в. Там находится построенная между 1910–1919 гг. шахтерская церковь Св. Иоанна Рыльского, памятник-источник (*чешма*) для рабочих, созданный по случаю открытия в 1937 г. водопровода Витоша–Перник. Там находятся городские часы, гостиница, ря-

своей жены, ведавшей жизнью женской половины дома. Во 2-й половине XIX в. развитие у южнославянских народов капиталистических отношений ускорило дробление задруг на индивидуальные семьи; с начала XX в. задруга стала редким пережиточным явлением (*Прим. пер.*).

Ил. 2. Церковь Св. Иоанна Рыльского

дом — кинотеатр и «шахтерский городской парк» (ЮСб 1941: 42, 11–117; Стоянова-Левчева 2004: 436–437; Манова 2004: 197–198).

С 1910 по 1919 г. по инициативе тогдашнего директора угольного производства Ивана Симеонова в центре нового шахтерского

поселения была построена церковь Св. Иоанна Рыльского, которая с самого начала воспринималась как церковь рабочих-шахтеров. Местное сельское население отнеслось к этой церкви с большим пренебрежением и игнорировало ее. На протяжении десятилетий население из разбросанных по возвышенностям кварталов проходило мимо «шахтерской» церкви, проделывая путь в лишних два километра, чтобы отстоять службу в «своей», сельской церкви. И наоборот — рабочие-шахтеры и их семьи посещали лишь новую церковь Св. Иоанна Рыльского, а церковь Св. Георгия была для них чужой. С разрушением традиционной системы обрядности к середине XX в. значение церкви Св. Георгия постепенно уменьшалось (Манова 2004: 198). В «шахтерской» церкви служили болгарский и русский священники, был создан любительский хор (Бръшлянов 1928: 133). За свои исключительные заслуги — организацию постройки церкви — Иван Симеонов был похоронен на ее территории (ЮСб 1941: 365). В ходе полевых исследований, проведенных в 2008 г., мы пришли к выводу о том, что от могилы инженера Симеонова здесь не осталось и следа. А в воспоминаниях жителей не сохранилось сведений о времени перенесения могилы Ивана Симеонова в другое место⁶. Однако осталось воспоминание о том, что при постройке нового социалистического городского центра в Пернике в 80-е гг.⁷ над церковью Св. Иоанна Рыльского нависла опасность разрушения, но она была спасена по настоянию местной коммунистической власти. После 1989 г. в процессе восстановления культурной памяти за заслуги по строительству города и восстановление старого городского центра за церковью Св. Иоанна Рыльского была установлена каменная плита с надписью «В память о жертвах

6 Информант Цв. М., 61 г., Перник, 5 сент. 2008 г., зап. В. Васевой.

7 Чтобы овладеть символическим пространством города, коммунистическая власть постепенно и целенаправленно изменяла его центральную часть, стремясь уничтожить старый городской шахтерский центр. Так, в середине 80-х гг. XX в. была построена новая площадь в центре Перника, призванная перенести центр общественной и культурной жизни города в направлении, обратном направлению разрастания шахтерского поселения в начале века. Идея была осуществлена на практике и посредством возведения высоких доминирующих административных зданий, а в шахтерский центр было «вклинено» 15-этажное здание Окружного комитета БКП (Болгарской коммунистической партии. *Прим. пер.*), при строительстве которого была едва спасена от разрушения «шахтерская» церковь (Стоянова-Левчева 2004: 439).

Ил. 3. Церковь Св. Иоанна Рыльского. Каменная плита

коммунистического режима в период после 9 сентября 1944 года в Перникской области».

В составе первой большой волны миграции в Пернике оказались и жители других стран, привлеченные наличием здесь рабочих мест. С 1920 по 1926 г. в Пернике появилось много эмигрантов из России, количество которых в 1923 г. достигло в Болгарии 3300 чел. В 1925 г. по переписи населения в Пернике насчитывалось

Ил. 4. Семейный альбом Буханцовых

1375 иностранцев, большинство из которых были русскими. В конце 1926 г. из 10 935 чел. общего населения Перника русских было 1080, т.е. 8,78%⁸ (Бръшлянов 1928: 111; ЮСБ 1941: 21, 312, 314). Для

⁸ В последующие годы их количество резко уменьшилось, большинство из них эмигрировали во Францию, Бельгию и Люксембург. В эти годы происходило большое сокращение рабочих мест в угле-

Ил. 5. Похороны Пелагеи Ивановны Буханцовой

поддержки русской диаспоры в Пернике в «шахтерскую» церковь Св. Иоанна Рыльского был назначен русский священник. Вместе с тем в церкви были и другие прихожане: инженеры, руководящий состав и простые рабочие угле-добывающего производства. Церковь содержало Шахтерское управление.

Архивные фотографии, хранящиеся в Историческом музее, демонстрируют, как проходило погребение и отпевание представителей русской диаспоры до социалистической революции. Это снимки из семейного альбома (см. ил. 4, 5, 6) Буханцовых, живших в Пернике в 20-е гг. XX в. Альбом был составлен Евгением Степановичем Буханцовым (1921 г. р.) и завещан дочери, которая после его смерти в 2005 г. передала его в музей. На фотографиях под номерами 38 и 39 зафиксировано погребение его матери Пелагеи Ивановны, родившейся в 1891 г., проведшей 20 лет своей жизни в Пернике и похороненной здесь 30.09.1942 г. На ил. 6 видно, что во время погребения отпевание усопших из русской диаспоры осуществлялось в «шахтерской» церкви. Вероятно, русский священник служил вместе с другими, т.к. на ней присутствуют три священника. На фото-

добывающем производстве, коснувшееся и русских эмигрантов, и в 1927 г. их уже было 850 чел., в 1928 г. — 461 чел., в 1936 г. — 223 чел, а в 1940 г. — 131 чел. (Брѣшлянов 1928: 111; ЮСБ 1941: 21, 312, 314).

Ил. 6. Погребение Пелагеи Ивановны Буханцовой

графии видно, что отпевание покойной Пелагеи проходило с особой торжественностью.

Еще в первые годы после запуска производства в Пернике возникла проблема сосуществования двух частей города: старого села с традиционным мировоззрением и жизненным укладом его жителей и нового шахтерского городского поселения с привнесенными извне нормами и ценностями. Лишь в 30-е гг. данное противостояние стало преодолеваться. Первоначально население двух этих «полюсов» считало себя отдельными общностями, каждая из которых имела свое пространство. Жители села Перника называли шахтеров *дошляците*⁹, т.е. люди, приехавшие (*дошли*) из других мест, а последние называли местных жителей *ментета*¹⁰ по наименованию их одежды. Два основных центра общественной и духовной жизни Перника сосуществовали параллельно и относительно самостоятельно даже после 1929 г., когда населенный пункт официально получил статус города. До середины 30-х гг. XX в. село

⁹ Аналог нашего разговорного слова «лимитчики» и более сниженного его варианта «лимита», т.е. те, кто приехал работать по лимиту на въезд. Позднее так с подчеркнутым пренебрежением стали называть всех приезжих (*Прим. пер.*).

¹⁰ Менте (*диал.*) — верхняя одежда без рукавов (*Прим. пер.*).

и шахтерский поселок уже примыкали друг к другу, и город обрел целостность. С увеличением роли угледобывающего производства в жизни и экономике Перника его центр постепенно стал перемещаться из кварталов Варош, Средна и Пешева (махала) к шахтерскому поселку. С разрушением традиционной обрядовой системы к середине XX в. значение церкви Св. Георгия все более умахалось (Манова 2004: 198, 201–202; Стоянова-Левчева 2004: 438).

Драматическая демографическая и культурная ситуация в Пернике в первой половине XX в. отразилась и на захоронениях — «старое сельское кладбище» постепенно превращается в общегородское, где стали хоронить и осевших здесь приезжих из различных мест Болгарии. В начальный период развития угледобывающего производства, когда рабочие ежедневно ездили в Перник, продолжая жить в родных местах, этой проблемы не существовало, потому что этих первых рабочих хоронили в родных селах, рядом с родственниками и предками. Часто соблюдалось и правило, по которому усопших хоронили в родовых могилах — такой принцип сохранился и по сей день в этом районе Болгарии. В ходе полевых исследований шахтерского быта, проведенных Этнографическим институтом и музеем БАН (София) в 60-х гг., этот факт получил подтверждение (АЕИМ № 237-II, 5–6, 18, 33). Во время интервью, проведенных автором в 2008 г., люди активного трудоспособного возраста утверждали, что традиция хоронить умерших родственников в их родных местах, несмотря на то что большую часть своей жизни они прожили в Пернике, жива и сегодня, и мотивировали это следующими причинами: «Он отправится к своим родителям», «Уходит на свое вечное место там, где его корни, где он родился», «Человек должен уйти к своим корням, и только если он пожелает, в виде исключения, может быть похоронен на новом месте»¹¹.

Во время полевого этнографического исследования в 2008 г. было установлено, что на старом кладбище в Пернике в первой половине XX в. была похоронена и часть приезжих рабочих-шахтеров

¹¹ Информант Т.Д., 66 лет, родилась в Кюстендилье, учительница, журналист. Перник, 4 сентября 2008 г., зап. В. Васевой. Рассказана следующая история: отец Д. С. родился в Кюстендилье в 1920 г. и переехал работать в г. Перник бухгалтером на машиностроительном заводе «Сталин» (сейчас — «Струма»), вместе с супругой и тремя детьми. Он умер молодым, в возрасте 40 лет, в 1969 г., и семья решила похоронить его в Кюстендилье, т. к. там покоятся останки его родителей. Его супруга, мать Т. Д., еще жива, ей 88 лет, и она хочет быть похороненной рядом со своим мужем в Кюстендилье. Среди коллег и друзей Т. Д. эта традиция погребения усопшего на его малой родине широко распространена.

Ил. 7. Памятник русским эмигрантам в Пернике

из различных уголков страны. На их памятниках обязательно указывается место их рождения¹². Это и преобладающая часть

¹² Надписи на фотографиях памятников следующие: Фотогр. 1. Надпись: «Захарий Гюров. / Род. в г. Радомир / 08.08. 1888 г. / умер 27.10.1932 г. /

надгробий на периферии старого кладбища, где до 1973 г. жители Перника хоронили усопших. В наши дни оно выглядит запущенным, доступ к нему осенью очень затруднен, многие таблички с именами повреждены, фотографии отсутствуют, а тропинки и аллеи так заросли травой и кустарником, что по ним невозможно передвигаться. Даже памятник русским эмигрантам в Пернике — высокая пирамида в центре старого кладбища, был недоступен в сентябре 2008 г. (см. ил. 7). Братский памятник, почитаемый и в наши дни потомками русских эмигрантов, живших в Пернике в период 1922–1944 гг., с надписью «От русских — русскому», датируется 1934–1935 гг., когда русских в городе стало уже значительно меньше, т.к. часть из них возвратилась в Россию, кто-то выехал в Румынию и другие страны. По воспоминаниям коренных жителей Перника, памятник находился в центральной части старого кладбища, и остальные памятники были значительно ниже его. «Он был словно символ кладбища», «словно маленькая копия Русского памятника в Софии в смысле архитектуры»¹³. Недалеко от памятника находилось небольшое здание (*магерница*, букв. 'монастырская кухня' (*Прим. пер.*)), где раздавали поминальную пищу, но оно разрушилось еще до начала строительства шоссе на Кюстендил. В 1974 г. в Пернике было открыто новое кладбище, а старое закрыли для захоронений в связи с отсутствием мест, но оно продолжало функционировать как сакральный центр города, где жители Перника отдавали дань памяти усопшим родным почти до конца XX в.

Проблема создания нового кладбища в Пернике возникла в начале 70-х гг., когда мест для захоронений на старом кладбище уже не было. Разрешение на строительство было подписано тогдашним мэром города Эмилом Иглевым (мэр в 1971–1975 гг.) в 1974 г. Земельный комитет Совета министров дал разрешение на организацию нового кладбища по пути к селу Дивотино после того, как местная община выполнила все условия по формированию инфраструктуры района — заасфальтировала дорогу, провела водо-

Анаки Гюров / 1892–1972 / От его брата». Фотогр. 2. Надпись: «Власи Б. Балевски / Мед. Фельдшер/ Род. в г. Троян / 25.01.1880 г. / умер 23.04.1929 г. / в г. Перник / Памятник установлен его семьей». Фотогр. 3. Надпись: Ставри Михов Атанасов / умер 27.10.1964 на 59 году жизни / род. в с. Эрул, Трынской области».

¹³ Информант Цв. М., 61 г., и информант И. Е., 56 лет, Перник, 5 сент. 2008 г., зап. В. Васевой.

провод и канализацию, подготовила ограду и засадила деревьями данную территорию. Последним условием было строительство помещения для совершения обязательного для того времени ритуала гражданского прощания на похоронах¹⁴. По-видимому, после долгих лет господства коммунистической идеологии и формирования атеистических взглядов само общество уже не имело потребности в строительстве христианского храма при новом кладбище, несмотря на многолетнюю традицию создания церквей при кладбищах (в период всего Средневековья и турецкого рабства), или в перемещении кладбища к нововозведенным церквям, как было в случае с церковью Св. Георгия и старым кладбищем. Новое кладбище находится на большом удалении не только от города, но и от всех церквей Перника.

Кроме того, с середины века в Пернике полностью исчезла традиция отпевания покойных в христианском храме. Социалистический гражданский ритуал прощания с усопшим, организованный по типовому сценарию в ритуальных домах, стал единственным ритуалом, связанным со смертью близкого человека. После 1989 г. отпевание постепенно возвращается в общественную жизнь и в семейные традиции жителей города, но в измененной, «сжатой» форме: оно ограничивается церковным богослужением на могиле до и во время опускания в нее гроба. На новом городском кладбище похороны в наши дни обычно проходят по следующему сценарию: сначала в ритуальном зале совершается обязательный гражданский ритуал прощания с покойным, затем процессия движется по направлению к могиле, где уже ждет священник, который совершает отпевание на месте погребения. При проведении автором статьи интервью с современными жителями Перника ни один из них не смог припомнить случая, когда бы он присутствовал на погребении с отпеванием, совершаемым в церкви.

Сейчас на одном участке Нового кладбища, где похоронены борцы против фашизма и капитализма, могилы повернуты в обратную сторону — изголовьем на запад, а не на восток, как того требует христианская традиция и как расположены остальные могилы на новом кладбище. Не удивительно, что памятники на этих могилах украшены пятиконечной звездой вместо креста (Янева 2002). Попытки наследников после 1989 г. «исправить» такое положение привели к созданию следующей ситуации, увиденной и зафиксиро-

¹⁴ Информант Е. И., 79 лет, 6 сент. 2008 г., зап. В. Васевой. Информант Цв. М., 61 г., Перник, 5 сент. 2008 г., зап. В. Васевой.

Ил. 8. Новое кладбище

ванной автором при полевых исследованиях 2008 г.: рядом спиной к спине расположены могилы, одна из которых повернута на восток, а другая — на запад (см. ил. 8).

Именно этим замечанием я хотела бы закончить настоящую статью, т.к. оно очень точно отражает современную социальную и культурную ситуацию Перника и подтверждает давно известное этнологам положение, согласно которому состояние социума определяет и структурирует кладбищенские пространства каждого населенного пункта.

Перевод с болгарского Е. С. Узенёвой

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЕИМ № 237-II — Бит и култура на работническото семейство в град Димитрово (Перник), 1962, зап. Г. Вайсилова.

Бръшлянов 1928 — *Бръшлянов Ц.* Държавни каменовъглени мини „Перник“ след Освобождението и сега. Библ. Държавни мини „Перник“, № 3. Печатница на Армейския военно-издателски фонд, София, 1928.

- Манова 2004 — *Манова Цв.* Местата за обшуване в стария Перник (по материали от 20-те — 30-те години на XX век) // Градът. Юбилейна научна конференция по етнология. По повод 100 години Русенски музей. (Известия на Регионален исторически музей — Русе). Кн. 8. Русе, 2004. С. 197–212.
- Паунова 2008 — *Паунова В.* Оброчищата „Св. Спас“ като „жива старина“ и археологически ориентир (по данни от Средна Западна България) // Известия на Регионален исторически музей — Перник. Т. 1. Перник, 2008. С. 161–194.
- Стоянова-Лечева 2004 — *Стоянова-Лечева З.* Индустриализация и урбанизация (по примера на Перник) // Градът. Юбилейна научна конференция по етнология. По повод 100 години Русенски музей. (Известия на Регионален исторически музей — Русе). Кн. 8. Русе, 2004. С. 434–443.
- ЮСб 1941 — Юбилеен сборник. 50 години мини Перник (1891–1941). Издание на Държавните мини. Книпеграф. София, 1941.
- ЮСб 1973 — Юбилеен сборник. 80 години Държавна мина «Георги Димитров» — Перник. ДИ „Техника“, София, 1973.
- Янева 2000 — *Янева Ст.* „Другият град“. Към структурата на Централните софийски гробища // Жизненият цикъл. Първа българо-сръбска конференция. София, 2000. С. 292–300.
- Янева 2002 — *Янева Ст.* Промени в надгробните знаци по време на преход // Обичаите от жизнения цикъл. Втора българо-сръбска конференция. Београд, 2002. С. 341–354.

С. Ю. ДУБРОВИНА

(ТАМБОВ)

РОДСТВО ПО ДУХУ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

В русском языке широко распространено «родственное» обращение. Люди, порой совершенно незнакомые друг другу, в зависимости от возраста могут называть собеседника *братом* или *сестрой* (*братком, сестрицей*), *отцом* или *матерью*, *сыном* или *дочкой*.

Традиция подобного именованья тянется с древних времен. Известен, в частности, образец русского приветствия в греческом изложении, записанный греком Иоанном Цецом в городе Константинополе наряду с образцами других языков и изложенный им в поэме середины XII в. «Теогония»:

...ὕγιαίνε, ἀδελφέ, ἀδελφίτζα, καλὴ ἡμέρα σοῦ το σδρά̃ βράτε, σέστριτζα, καὶ δόβρα δένη λέγωι.

(То есть буквально: «Будь здоров(а), брат, сестрица, (говорю) добрый день тебе!» и далее то же греческими буквами по-русски). Данное свидетельство приводит Б. А. Успенский как факт прямого церковнославянского влияния на разговорную речь (Успенский 1994: 40). В настоящее время услышать подобное «братское» приветствие можно, скорее, от лиц старшего поколения.

Языковые формулы обращений свидетельствуют о глубинном значении традиций собратства, сотоварищества, безусловно чрезвычайно актуальных в архаическом социуме и моделируемых в современном обществе. У разных народов особые формы ритуального родства: побратимство, кумовство, соотцовство и т. п. — часто ставились выше кровнородственных связей.

Христианство приняло устоявшиеся отношения установления братства людей, подняв их на небывалую высоту: христиане именуют друг друга «братьями» как дети одного Отца Небесного.

Существует целый ряд «обычных» слов русского языка, осмысляемых в зеркале христианской аксиологии. Слово *брат* как об-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-70403 а/ц.

ращение первых христиан друг к другу пришло к нам из призывов апостолов: «Но он сказал: Мужи, братия и отцы! Послушайте! Бог славы явился отцу нашему Аврааму...» (Деян. 7, 2); «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения» (Иаков 1, 2); «Да хвалится брат униженный высотой своею» (Иаков 1, 9); «Посмотрите, братия, кто вы призванные» (1 Кор. 1, 26); «Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас» (1 Фесс. 5, 12). Ср.: «*Брат* или ближний, все мы друг другу, и называемся так в дружеской или нечопорной беседе, что особенно сохранилось в монашестве, в простом народе и в нашем обращении к нему; обычное обращение в речи к ровне или к низшему; в этом значении слово *брат* принимает все оттенки ласки, приязни...» (Даль 1: 303).

В церкви со времен Римской империи существовал чин братотворения: «Братотворение..., средневековый обряд церковного благословения двух христиан, не состоящих в кровном родстве, но стремящихся к тесному духовному общению и братской взаимопомощи в мирских делах» (Ткаченко 2003: 192).

Церковное братотворение утвердилось в результате синтеза древнего обычая побратимства и христианской практики. Значение христианского вступления в духовное родство, «породнения» двух неродных людей нашло прямое отражение в русском языке. В словаре В. И. Даля содержится лексика, указывающая на разные формы братства:

«*Привенчанный брат*, до брака родителей ими рождённый и признанный. *Крёстный*, сын крестного отца и крестник, друг другу. *Брат по духу*, с кем вместе говел, исповедался и приобщился. *Братья по свече* покупают свечу складчиною и держат в церкви, во время херувимской, поочерёдно; это братская свеча, а державшие — братья по ней. *Братья крестовые*. Братья по кресту, обменявшиеся тельными крестами, в залог дружбы и братства» (Даль 1: 303). «*Названные братья*. Принявшие братство по дружбе ... иногда то же, что крестовые, *побратимы, побратаны*» (Даль 1: 304). «*Братчина*. Местами бабьи или девичьи ссыпчины, в день жён-мироносиц и в троицын» (Даль 1: 305).

В «Полном церковнославянском словаре» протоиерея Григория Дьяченко *братство* — «собрание братий, особ. монашествующих». «В Древней Руси, — объясняет Г. Дьяченко, — кроме природного (по рождению) братства и братства монашеского различалось еще: 1) крёстное братство; 2) княжеское братство (Дьяченко 1993: 59).

В традиционной культуре славян *братьями* назывались «люди, объединенные общими занятиями, интересами, условиями жиз-

ни»: «разбойники в гайдуцких песнях, участники ряда календарных обходов и т. п.» (СД 1: 255). В русских былинах в бою и на пирах братаются богатыри. В духовных стихах грехи против духовного родства и духовного прелюбодеяния расцениваются как наиболее тяжкие из совершенных, и молодец кается в этих грехах, совершая исповедь земле: «Я бранил отца с родной матерью... / Уж я жил с кумой хрёстивою / Я убил в поле брата хрёстового / Порубил ишо челованьице хрёстной» (Федотов 1991: 75). Грех против духовного брата является непрощаемым, о чем говорит сама Земля: «Во первом греху тебя Бог простит... А во третьем-то греху не могу простить» (Там же).

Из фольклора мотив духовного братства перешел в литературу Древней Руси. Ростовская легенда о Петре, царевиче ордынском, повествует о добровольном переселении племянника хана Беркая из Орды в Русь, крещении его с именем Петр, и далее — о братании с ростовским князем. Известный ростовский святитель епископ Игнатий укрепил это духовное братство церковною молитвою. Дети князя, помня побратимство Петра со своим отцом, звали его дядею (Повесть о Петре, царевиче Ордынском, 1958). Эта повесть конца XV в. вошла в «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария.

В православной церкви «последование к братотворению» было выведено из служения. Оно не содержится уже в Требнике митрополита Петра Могилы (Требник Петра Могилы 1646), отсутствует и в принятом в настоящее время Большом Требнике (Большой Требник 1651).

В «Повести о взятии Царьграда...» содержится трогательный эпизод о воинах-побратимах, защищавших Царьград, — греке, венгре и албанце: «Видѣша же с стѣны три *братеники* пять мужей онѣх срачин, бьуще тако силнѣ граждан, скачиша с стѣны, нападоша на них и сечахуса с ними лютѣ, яко удивитися турком и не дѣяти их, чающе убиеным быти от них. И убиша граждане дву срачин. Тако, вскричав, нападоша на них множество турк, онѣм же, обраняющеся от них, уидоша в град. Бяху же трие ты инафтыи един грѣчин, а другыи угрин, а третии арбонаш» (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году: 252–253).

Русская история XX в. знала братание на фронтах в годы Первой мировой войны, использованное в политических целях, как акцию, ломающую дисциплину регулярных войск (Базанов).

Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой отмечает глагол *брататься* в двух основных значениях: «БРАТА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься; несов. 1. (сов. побрататься). Устар. Становиться побрати-